

№ 1.

Парижъ, 28 Іюня 1925 г.

№ 1.

РУССКАЯ НЕДЕЛЯ.

(LA SEMAINE RUSSE)

ЖУРНАЛЪ

Политики, Литературы и Искусства.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ :

**А. И. ГРАММАТИКОВА, М. А. КУРДЮМОВА, В. Н. ЛОДЫ-
ЖЕНСКАГО, П. А. НИКАШИНА и Е. П. СЕМЕНОВА**

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА :

Къ читателямъ.

На путяхъ къ Освобожденію П. НИКАШИНА

**Заявленіе Вел. Кн. Николая Никола-
евича**

**Привѣтъ Русской Арміи и русскимъ
Рабочимъ**

Политическое Обзорѣніе

Въ часы заката М. А. КАЛЛАШЪ.

Степная Сказка Пл. КАРАТАЕВА.

Начало Корниловскаго движенія Е. СЕМЕНОВА.

Среди печати

По выставкамъ П. Н.

Page française

Хроника

Объявленія.

ВЫХОДИТЬ ПО СУББОТАМЪ.

Цѣна 1 фр. 50 с.

РЕДАКЦІЯ : 47, Rue Brancion, Paris (15e)

КОНТОРА : 27, Rue Claude-Lorrain, Paris (16e)

Voir page française à la fin

Въ часы заката.

Какъ откликъ далеко ушедшаго читаю послѣдній, вышедшій въ печати за границей томъ писемъ А. П. Чехова. Это письма къ женѣ.

Еще давно вдова писателя, О. Л. Книпперъ-Чехова, читала мнѣ многія изъ этихъ писемъ. Я помню ихъ содержаніе, но это не мѣшаетъ мнѣ читать ихъ какъ новое, вѣрнѣе — воспринимать совершенно по-новому. Рядомъ съ послѣдней книгой Чеховскихъ писемъ, встаетъ въ памяти и вся его переписка и эти милые въ сѣренькихъ обложкахъ томики полного собранія сочиненій Чехова, встаетъ онъ самъ — писатель и человекъ.

Кажется, смотрю на старую давнишнюю фотографію, въ альбомѣ фотографій:

— Какъ странно! Неужели это мы?... Облики, выраженіе лица, — все иное.

Двадцать только лѣтъ прошло со дня кончины Чехова; еще недавно его пьесы мы воспринимали со сцены какъ наше настоящее, а теперь кажется, что вся та эпоха, которая вырастила Чехова и которую онъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ — эпоха отдаленная, не наша, а дѣдовская или прадедовская.

Можетъ быть, за всю исторію человѣчества не было ни одного поколѣнія, которое бы, подобно намъ, имѣло трагическую возможность жить *въ двухъ жизняхъ*, дважды родиться и носить въ себѣ свое прошлое, какъ нѣчто почти отрѣзанно — законченное, по удаленности своей нѣчто буквально "лѣтописное".

Я, какъ и всѣ, читалъ и воспринималъ Чехова *въ той жизни*, теперь воспринимаю *въ этой жизни* и Чехова, и его героев и насъ самихъ: какой путь пройденъ, какая даль разстилается позади насъ! Это совмѣщеніе двухъ жизней въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ и въ цѣломъ поколѣніи дѣлаетъ то, что мы до какой-то степени стали своими собственными потомками, совмѣщающими два лица, двѣ психологіи "отцовъ" и "дѣтей" одновременно.

Это даетъ намъ право и возможность быть историками самихъ себя, при вдумчивоѣ добросовѣстности достаточно безпристрастными и уже во всякомъ случаѣ очень хорошо освѣдомленными и ориентированными.

Новое поколѣніе, которое рождается и вырастаетъ духовно *уже въ этой жизни*, подъ положительнымъ или отрицательнымъ вліяніемъ, можетъ совершенно не понять нашего прошлаго: одни отвернутся отъ него со злобно невѣжественнымъ пренебреженіемъ, другіе не проникнуть въ него до глубины просто въ силу огромнаго духовнаго различія между внутреннимъ содержаніемъ вчерашняго и сегодняшняго дня. Только мы одни лучше всего знаемъ сами о себѣ: мы помнимъ, *что у насъ болѣло и какъ болѣло*. Теперь уже многіе начинаютъ понимать или даже совсѣмъ поняли, *почему болѣло*.

Все пережитое даетъ возможность поставить новый и, смѣю думать, настоящій, правильный діагнозъ. Говоря о прошломъ въ связи съ Чеховымъ, такъ сказать, въ рамкахъ Чехова, я имѣю въ виду русскую интеллигенцію предпоследняго, предреволюціоннаго

періода. Интеллигенцію еще не дожившую до такъ называемаго "разсвѣта", начавшагося приблизительно съ 1905 года. Чеховъ для нея очень характеренъ, ибо въ преобладающей, въ общей своей части, она вся въ немъ и онъ весь въ ней.

Чеховъ на рѣдкость яркій, полный и цѣльный образъ русскаго интеллигента той поры. И, что еще важно, — онъ, если можно такъ выразиться, *нейтральный интеллигентъ*. Онъ не примыкалъ близко ни къ какому крайнему лагерю; подлинный литературный талантъ, сообщивъ всей его жизни и творчеству извѣстное равновѣсіе, удержалъ его приблизительно на серединѣ теченія тогдашней жизни. Онъ миновалъ всѣ "затоны", всѣ "заливы", не попалъ ни въ какой водоворотъ, но существо интеллигенціи, стихію ея носилъ въ себѣ, переполнившись ею до краевъ. И Чеховъ былъ пѣвцомъ интеллигенціи и интеллигентности по преимуществу. Хотя перомъ своимъ онъ широко охватилъ современный ему русскій бытъ въ самыхъ разнообразныхъ его оттенкахъ, но въ изображеніи этого быта, почти вездѣ, гдѣ не появляются любимые его и близкіе ему по душѣ герои, онъ (кромѣ, напр., повѣстей "Въ оврагѣ", "Мужики", рассказа "Архіерей" и немногихъ другихъ), главнымъ образомъ юмористъ. Пусть юморъ его часто переплетается съ печалью, пусть улыбка его грустна, но она не исчезаетъ. Улыбка эта сходитъ съ лица Чехова безслѣдно лишь только онъ приближается къ своему родному, кровному. Чеховъ послѣдняго періода самый серьезный и углубленный, самый сосредоточенный, своимъ человѣческимъ нутромъ больше всего связанъ со своими пьесами. Пусть въ художественномъ отношеніи онъ (откинувъ мастерство Художественнаго театра и взявъ ихъ только литературно) ниже его повѣстей и рассказовъ, но онъ для Чехова, какъ типъ представителя интеллигенціи, воплоителя интеллигентскаго типа, гораздо характернѣе всего его остального творчества.

Здѣсь попутно нужно отмѣтить, что всѣ его пьесы, хотя внѣшніе и разыгрываются главнымъ образомъ въ рамкахъ помещичьей жизни ("Чайка", "Дядя Ваня", "Ивановъ", "Вишневый садъ"), но съ этой жизнью, съ глубинной ея психологіей и бытомъ ничего общаго не имѣютъ. Я думаю, я не очень ошибусь, если скажу, что отъ дворянскаго быта въ драматическихъ произведеніяхъ Чехова взята только декорация усадьбы съ аксесуарами деревенскаго быта и второстепенными персонажами. Что же каса-

ется главныхъ героевъ, то они помѣщики лишь по мѣсту жительства, а по духу, по существу, по всему своему укладу внутреннему — типичные интеллигенты.

Ничего въ чеховскихъ герояхъ отъ дворянской культуры, отъ ея содержанія и крѣпкихъ традицій не осталось, кромѣ развѣ того шкафа, передъ которымъ Чаевъ въ "Вишневомъ Садѣ" произноситъ ненужную рѣчь. Съ мѣстомъ, съ обстановкой этихъ людей связываетъ просто привычка долгихъ лѣтъ, и потому слуга новой формациі, лакей Яша, гораздо имъ нужнѣе и удобнѣе стараго Фирса, котораго они оттого такъ легко и позабываютъ, уѣзжая безъ особенной драмы изъ своего родового гнѣзда, купленного новымъ владѣльцемъ. Изображая своихъ помѣщиковъ интеллигентами чистой воды, Чеховъ до нѣкоторой степени, пожалуй, и былъ правъ. Въ то время "оскудѣніе" дворянства и дробленіе и распыленіе дворянской культуры уже близилось къ своему завершенію. Огромное большинство того сословія, которое дало Россіи изумительный качественный расцвѣтъ ея блестящей творческой культуры, уже выходило изъ своего быта и изъ своей сосоловно-бытовой психологіи "непомнящихъ родства" въ иной бытъ и иную психологію. Чеховъ писалъ въ самый разгаръ перерожденія дворянина въ интеллигента. Но была еще и другая причина, почему всѣ обитатели усадебъ въ Чеховскихъ пьесахъ въ сущности такъ одноцвѣтны и однотипны: Чеховъ, будучи самъ представителемъ безсословной общественной категоріи, не могъ чувствовать, видѣть, любовно подмѣчать, а слѣдовательно и изображать то, что чувствовали и изображали его литературные предшественники и немногіе изъ его младшихъ современниковъ, какъ напр., И. А. Бунинъ и въ первомъ періодѣ А. Н. Толстой.

Вообще появленіе Чехова во всѣхъ отношеніяхъ знаменуетъ новую эпоху и въ жизни и въ литературѣ — эпоху заката. Конецъ Толстого - художника замыкаетъ не только русскую классическую литературу, но и русскую дворянскую культуру въ ея наиболѣе крупныхъ и типичныхъ проявленіяхъ.

Чеховъ приноситъ съ собою не только новое содержаніе литературы, новыя въ смыслѣ преобладанія формы ея и новый темъ творчества, но въ немъ намѣчается и новый захватъ жизни, гораздо меньшей глубины и ширины. Романъ — эпопея умираетъ вмѣстѣ съ Толстымъ. Исчезаетъ то медленно мощное, я бы сказалъ художественно - органическое созиданіе литературныхъ тво-

реній, которое зависѣло не только отъ индивидуальной одаренности автора, но еще отъ какой то его *укорененности* въ жизни, которая давала ему возможность не носиться щепкой по волнамъ, а съ брѣжкой и твердой позиціи охватывать жизненные дали. Иначе говоря, исчезъ въ какомъ-то смыслѣ *покой творчества*. Покой я понимаю не какъ отсутствіе движенія и динамики творчества, а какъ наибольшую внутреннюю полноту его и независимость; полноту, которая не расплескивается отъ мелкихъ толчковъ жизни и сосредоточиваетъ въ себѣ всю силу углубленного созерцанія. Повсѣй не Ильи Ильича Обломова, а его творца и изобразителя. Въ состояніи такого покоя возможно было созданіе изумительнаго Гончаровскаго "Обрыва", своевременно преступно неоцѣненнаго русскими читателями. Въ состояніи покоя былъ сотворенъ въ своей геніальности необъятный, какъ сама Россія, романъ "Война и Миръ". И въ этихъ прежнихъ масштабахъ творчества укладывались не только кусочки человѣческихъ дней, кусочки душъ и чувствъ, частицы суетливо и нервно мелькающихъ мыслей, но укладывался весь человѣкъ въ его психологическомъ и бытовомъ разнообразіи, укладывалась не только земля, но и разстилающееся надъ ней небо, таинственное и влекущее загадкой бытія, то самое небо, въ которое и взоромъ и всѣмъ существомъ своимъ смотритъ раненый князь Андрей Болконскій, лежа на Аустерлицкомъ полѣ...

Князя Андрея увелъ за собой его творецъ, великій мастеръ слова - откровенія. На смѣну Болконскому художникъ иной эпохи, иного склада и не только иного творческаго размѣра, но совершенно иного міровоспріятія — Чеховъ выводитъ тоже (по странному совпаденію) русскаго полковника уже не Болконскаго, а Вершинина... И, если то, что волнуетъ Андрея Болконскаго, можно назвать и вопросами его собственной жизни и вопросами бытія, то у Вершинина нѣтъ вопросовъ, а только *вопросики* (выскочившіе въ разговоръ случайно) и не волнуютъ они его, а такъ только вызываютъ нервную вибрацію...

Меня прервутъ и скажутъ: "неумѣстное и нелѣпое сравненіе Толстого и Чехова, мірового генія и просто очень талантливаго писателя... Я буду настаивать не только на возможности, но на необходимости для насъ такого сравненія. Я не таланты сравниваю въ ихъ объемѣ, я сравниваю съ одной стороны качество эпохъ и порожденныхъ ими людей, а, съ другой стороны, міроощущеніе, міровоспріятіе двухъ эпохъ. Если я Гаршинскаго героя изъ раз-

сказа "Четыре дня" поставлю рядомъ съ Андреемъ Болконскимъ, то до очевидности Гаршинъ явится, какъ художникъ, маленькимъ передъ громадой Толстовскаго гения, но герой Гаршина отнюдь не покажется *пошлымъ*, тогда какъ полковникъ Вершининъ изъ "Трехъ сестеръ" именно невыносимо, *до неловкости* пошлъ и убого провинціаленъ не только около Андрея Болконскаго, но даже около очень ограниченнаго Николая Ростова. А между тѣмъ, надъ Вершининымъ Чеховъ ни минуты не смѣялся и читатели, и зрители "Трехъ сестеръ" не только не улыбаются, а даже трогались и плакали даже, когда Вершининъ въ великолѣпномъ изображеніи Станиславскаго задумчиво говорилъ на сценѣ: "Черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасна!" Эта фраза Вершинина, это чаяніе Вершинина - Чехова была чаяніемъ всей интеллигенціи русской, символомъ той вѣры, которая носила по тогдашнему необычайно гордое наименованіе "прогресса". И эта вѣра въ непремѣнное качественное превосходство завтрашняго дня надъ сегодняшнимъ, вѣра въ то, что "дѣти наши и внуки наши будутъ жить гораздо лучше насъ" вмѣщала въ себѣ всю философію и Чехова и чеховской интеллигенціи. Завтрашній день лучше вчерашняго, потому что завтра будутъ проложены новыя желѣзныя дороги и открыты новыя школы и всѣмъ мужикамъ привита оспа, и эти мужики, подъ вліяніемъ разнообразныхъ благъ цивилизаціи, въ родѣ просторныхъ и чистыхъ избъ, спанья на постеляхъ съ бѣльемъ не будутъ такъ мрачно пить, какъ пьетъ Кирьякъ въ чеховскомъ разсказѣ "Мужики", и не станутъ бить своихъ женъ, и въ свободное время научатся читать газеты и толково разсуждать о своихъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ нуждахъ...

Правда, эту только что мной изложенную программу "завтрашняго дня" совсѣмъ не излагаетъ полковникъ Вершининъ, лишь туманно упоминающій о всеобщемъ блаженствѣ черезъ двѣ три вѣка, но программа эта напрашивается, какъ выводъ изъ всего творчества Чехова и не только художественныхъ произведеній его, но и всей его переписки. Чеховъ весь пропитанъ этой вѣрой въ прогрессъ, онъ и его герои прогрессомъ себя утѣшаютъ въ горькія минуты своей личной жизни. Идеаль Чехова и его героевъ (а онъ съ ними органически спаянъ) — высшая степень интеллигентности, т. е. идейнаго труда, идейно - развитыхъ людей, образованныхъ, общественно и лично порядочныхъ, терпи-

мыхъ, высокогуманныхъ. И герои его почти всѣ трудятся или хотя́ть трудиться, другъ друга къ этому призываютъ, или смиренно, покаянно сожале́ють о своей праздности. Въ "Трехъ сестрахъ" баронъ Тузенбахъ выходитъ въ отставку, чтобы послѣ женитьбы на Иринѣ свою праздную и "не идейную" военную службу замѣнить идейной работой въ школахъ, Ольга поступаетъ въ гимназію; трудятся и дядя Ваня и Соня, и докторъ Астровъ, который не только лѣчитъ и оперируетъ мужиковъ, но еще "идейно" сажаетъ лѣса и даже неудачникъ студентъ Петя Трофимовъ, который никакъ не соберется съ силами кончить университетъ, о благородномъ значеніи труда произносить цѣлыя рѣчи... Я не помню текстуально всѣхъ этихъ разговоровъ — у меня совсѣмъ нѣтъ подъ руками Чехова, да и размѣры статьи не позволяютъ приводить подлинныя отрывки, но общій смыслъ, ихъ тонъ, духъ неистребимы изъ памяти тѣхъ, кто не только читалъ, но *пережилъ* Чехова въ эту эпоху.

Я позволилъ себѣ упомянуть о пошлости Вершинина, которая чувствуется при сопоставленіи его съ Андреемъ Болконскимъ. Въ чемъ же она ощущается и почему ощущается? Почему ощущается именно *теперь*, сегодня или, какъ я говорилъ, въ *этой жизни*, и не ощущалась вчера, въ *той жизни*?

Въ отвѣтъ на эти вопросы и есть главная наша оглядка нась — "дѣтей" на нась — "отцовъ".

М. А. Каллашъ (М. Курдюмовъ).

(Продолженіе слѣдуетъ)